

ИРИНА КОНСТАНТИНОВНА КАХОВСКАЯ*

Ирина Константиновна Каховская — профессиональная революционерка, чье имя хорошо известно историкам революционного движения и партии эсэров. Но жизненный путь этой женщины начинался в привилегированных учебных заведениях Ведомства учреждений императрицы Марии, и ее биография неразрывно связана с историей современного РГПУ им. А. И. Герцена.

Ирина Каховская родилась 15 августа 1888 г. в г. Тараща Киевской губернии. Ее отец, землемер, принадлежал по боковой линии к семье декабриста Петра Каховского. Отец рано умер, и мать, Августа Федоровна, перебралась в Санкт-Петербург, чтобы дать дочери хорошее образование. В 1897–1903 гг. девочка обучалась в Институте императрицы Марии, который окончила с серебряной медалью¹, и по желанию матери для продолжения образования поступила в только что открывшийся Женский педагогический институт на словесно-историческое отделение. Она зарекомендовала себя как прилежная и способная слушательница, имевшая хорошие результаты по итогам учебного года. Ирина Каховская сдавала зачеты за IV курс, когда 28 апреля 1907 г. была арестована по обвинению в политическом преступлении.

В институте этот арест не был полной неожиданностью. Еще в 1905 г. некоторые слушательницы увлеклись общественно-революционной пропагандой и провоцировали в институте столкновения учащихся с администрацией, призывали к забастовке. На сходке 14 ноября 1905 г. наиболее активная группа слушательниц объявила, что готова к переговорам и даже сотрудничеству с конференцией института, но в определенных пределах; возобновление приостановленных занятий считает возможным лишь при условии открытия института для митингов; свои действия желает согласовывать с постановлениями Совета рабочих депутатов, «пока они не примут партийной окраски»². В числе «левых» всегда находилась и Ирина Каховская.

Много лет спустя она вспоминала начало первой русской революции, день 9 января 1905 г., Кровавое воскресенье, события которого на всю жизнь сохранились в ее памяти. В то утро Ирина Каховская, слушательница II курса Женского педагогического института, шла в Публичную библиотеку готовиться к реферату по истории, подобрать материалы о Земских соборах. Эту тему на занятиях профессора интерпретировали в духе единения царя с народом. На Литейном проспекте и потом на Невском девушка отметила движение густой массы народа — празднично одетых людей с сосредоточенными лицами, шагавших к Дворцовой площади. В Публичной библиотеке привычная тишина была нарушена, когда в залах появились представители либеральной интеллигенции с вестью о расправе с рабочими, об обманутом доверии, об убийстве безоружных людей... Особенно яркое впечатление произвела на девушку краткая речь Горького, сказанная тут же на столе читального зала. То, что Ирина увидела, выйдя на улицу и пытаясь пробраться к Дворцовой площади, возмутило ее. ««Земские соборы», царь и народ — я ведь сегодня утром еще верила в это...

* Из серии статей о выпускниках Женского педагогического института. См.: Вестник Герценовского университета. 2009. № 2, 5–8, 11.

А вот как оно бывает в действительности. Вот оно — единение... Да, и у меня раскрылись глаза»³, — так запомнила Ирина Каховская впечатления того дня. Вечером 9 января она оказалась на собрании в Вольном экономическом обществе, где в выступлениях ораторов были уже не эмоции, а объяснение дневных событий и их причин. Так в шестнадцать лет Ирина впервые оказалась на конспиративном революционном собрании.

Включившись в подпольную работу, она завязала знакомства с политически активными студентами Тенишевского училища, Технологического института, в Народном доме графини Паниной, и ненадолго примкнула к большевистской организации. В 1906 г. вошла в состав боевой дружины Союза эсеров-максималистов, которые были сторонниками решительных действий и призывали к новому вооруженному восстанию. И вот после покушения на убийство городского И. Каховская была арестована.

Почти год шло следствие и весной 1908 г. состоялся суд. Ирина Каховская обвинялась в принадлежности к группе максималистов, противоправительственной пропаганде и агитации. Девушке грозили ссылка и 20 лет каторжных работ.

Среди слушательниц Женского педагогического института у Ирины были подружки-единомышленницы — Т. Сафарова, Е. Николаева и др., — которые старались как-то помочь ей. К администрации были отправлены депутатки с заявлением, адресованным почетному попечителю института великому князю Константину Константиновичу: «Слушательницы IV курса глубоко убеждены в непричастности своего товарища Ирины Каховской к преступлению 20 марта 1907 года и, принимая во внимание возможность судебной ошибки, просят Ваше Высочество, опираясь на сочувствие всего Института, ходатайствовать о смягчении приговора 8 марта 1908 года»⁴.

Директор института С. Ф. Платонов, очевидно, со своей стороны тоже пытался навести справки о состоянии дел, подключив профессора Александровской военно-юридической академии генерала И. А. Шендзиковского, отца одной из слушательниц института. Евгения Николаева как могла подробно изложила ему все, что было известно по делу подружки, и тот отправился в Главное тюремное управление. Полученные им сведения были неутешительны: обвиняемая Каховская была признана врачами здоровой и подлежала скорой отправке в одну из каторжных тюрем в Сибирь. В военно-окружном суде ему сообщили, что она ранее уже привлекалась к следствию (по делу Ивахина и др.), и, судя по имеющимся данным, Каховская «принадлежит к деятельным членам самой опасной революционной партии — максималистка, входящая в состав боевой организации, вследствие чего ходатайство о ее помиловании для значительного смягчения наказания едва ли может иметь какую-либо надежду на успех»⁵. Тем не менее при утверждении приговора срок ссылки ей был сокращен до 15 лет⁶.

В доме предварительного заключения 19-летняя революционерка пыталась совершить побег, но неудача обернулась неделями карцера. Потом были пересыльная тюрьма, ожидание группы в каторжной Новинской тюрьме в Москве и долгая дорога в Нерчинск⁷.

Мальцевская каторжная тюрьма после первой русской революции стала средоточием всех политических каторжанок, сосланных в Сибирь. Находилась она недалеко от Благодатных рудников, где когда-то отбывала каторгу часть декабристов. В унылом неотопляемом бараке главным содержанием жизни были те занятия, которые находили для себя женщины. Диапазон их был велик — от начал грамоты до сложных философских проблем. Устраивались и «учебные классы», где преподавались география, естествознание, арифметика, литература, история, языки... Ирина Каховская была самой авторитетной учительницей французского языка⁸. Ее соседки по бараку запомнили какую-то особую внутреннюю силу, исходившую от Ирины: «Вспоминается большая фигура Иры, большими широкими жемами моющая пол по своей системе, причем выходило у нее это как-то очень сильно и ловко. Вообще Ира больше других выполняла физическую работу. Это потому, что она не только никогда не отказывалась ни от какой работы, но старалась и работу других тоже

взять на себя. Она носила воду в околосок, выносила ряжки, и, не щадя себя, нагружала себя всякой черной работой. Это, однако, не мешало ей много заниматься самой и обучать других»⁹. Активно участвовала И. Каховская и в подготовке праздников для находившихся на каторге детей, которым политические старались как-то скрасить быт. Для костюмированных балов делали нехитрые костюмы из тонкой цветной бумаги, устраивали театральные спектакли...

Почти год после отправки Ирины в Сибирь ее мать хлопотала о разрешении поехать на свидание к дочери. Когда разрешение было получено, и до отъезда оставалось всего несколько дней, ей пришла мысль взять документы дочери, оставшиеся в Женском педагогическом институте, — свидетельство об окончании Мариинского института и справку о незаконченном педагогическом образовании. Она обратилась с прошением к директору¹⁰, но получить документы до отъезда так и не успела — С. Ф. Платонов не мог исполнить ее просьбу без разрешения вышестоящего начальства.

Августа Федоровна Каховская, приехав к дочери, осталась в Сибири. Получила разрешение на проживание, учила местных ребят, чтобы зарабатывать себе на жизнь, и каждую неделю приезжала на свидания, закутанная в несколько шуб и нагруженная передачей. Старушка стала близким человеком для всех заключенных, она приносила в тюрьму новости, была живой связью с волей¹¹...

В 1914 г. Ирина Каховская по амнистии вышла на поселение в Забайкалье. На Нерчинской каторге она познакомилась с М. А. Спиридоновой и А. А. Измайлович, вместе с которыми после Февральской революции вернулась в столицу и включилась в партийную работу. Как активный член Партии левых социалистов-революционеров И. Каховская участвовала в Октябрьской революции и работала как член ВЦИК 2–4-го созывов, вместе с В. Володарским заведовала агитационно-пропагандистским отделом, много выступала на митингах. Во время дискуссии о Брестском мирном договоре эсеры были сторонниками «революционной войны». Сама И. Каховская писала: «Как строго последовательная интернационалистская партия, партия левых социал-революционеров (интернационалистов) считала в равной мере ответственными за империалистическую войну и русское самодержавие, и германское имперское правительство, и правительства финансовой plutократии Франции и Англии»¹². ЦК партии и состоявшийся партийный съезд санкционировали террористическую борьбу.

Ирина Каховская вошла в группу, направленную летом 1918 г. на Украину с заданием организовать покушение на командующего оккупационными войсками генерала Г. Эйхгорна и гетмана П. Скоропадского. Исполнение задания ЦК в отношении немецкого генерала едва не стоило Ирине жизни: немецкий военно-полевой суд приговорил всех виновных в теракте к смертной казни, но в отношении женщины исполнение приговора задерживалось (требовалось его утверждение самим кайзером), а в это время в Киеве сменилась власть и пришедшие красные освободили ее из тюрьмы. Позже И. Каховская вела подпольную работу и готовила покушения на белых генералов А. В. Колчака и А. И. Деникина¹³.

Дальнейшая жизнь Ирины Константиновны Каховской — череда арестов и ссылок с краткими перерывами жизни на свободе. Правящая партия большевиков объявила вне закона своих бывших товарищей по революционной борьбе, в том числе и эсеров (всех направлений). Когда в начале 1921 г. И. К. Каховская вернулась в Москву, она почти сразу оказалась арестована по обвинению в принадлежности к партии левых эсеров и приговорена к двум годам ссылки в Калугу. В декабре 1925 г. ее снова арестовали за связь с левозэсеровским подпольем. Приговор «3 года заключения в концлагерь» был заменен ссылкой в Вятку, ссылка в Вятку — ссылкой в Ставрополь, а затем в Самарканд. В 1930 г. в Ташкенте И. Каховскую снова арестовали и выслали в Уфу. В 1937 г. она уже по статье 58

пп. 8 и 11 была приговорена к десяти годам заключения в Краслаге (7 лет провела на лесоповале и сельхозработах). Едва освободившись, в январе 1948 г. снова попала в тюрьму и через полтора года ей вынесли приговор: бессрочное поселение в Канске (Красноярской обл.). Главной виной И. К. Каховской была ее партийная принадлежность, несмотря на измышления следователей в 1937 г., инкриминировавших ей и ее товарищам подготовку теракта против руководства Башкирии.

После освобождения в 1954 г. И. К. Каховская покинула Сибирь и поселилась в г. Малоярославце Калужской области.

В краткие периоды между ссылками она пыталась найти жилье и работу, наладить свою жизнь. Работала в калужской библиотеке, в Башкирском мельтресте, в ряде других учреждений. В 1928 г., когда жила в Ташкенте у давней знакомой и соратника по партийной работе Надежды Владимировны Брюлловой-Шаскольской, обращалась в Ленинградский педагогический институт за справкой о почти законченном педагогическом образовании¹⁴ — справка могла бы помочь при устройстве на работу. Не имея трудового стажа, И. Каховская не могла получить пенсию и должна была зарабатывать на жизнь. Она выполняла канцелярскую работу, делала бумажные цветы и занималась на дому с детьми.

Ирина Константиновна пережила многих своих товарищей, с которыми делила тюрьмы, но с теми, кто был жив, она встречалась и регулярно переписывалась. «Я уже старуха древняя, — писала она из Канска. — Мне 65 лет, а дают 75–80, но живу своим трудом <...>. Интересася к жизни я не потеряла. Люблю природу, детей, хорошие книги, музыку, свежий воздух, волнуюсь газетами, — а ведь казалось, что после пережитого, после непереносимых потерь и свет солнца погаснет для меня. Но всегда саднит, всегда болит прошлое, всегда оно живет и снится, снится. Помогает неустанная работа и для хлеба, и так...»¹⁵

После XX съезда КПСС И. К. Каховская написала большое открытое письмо в ЦК КПСС, Совет Министров и Прокуратуру СССР, в котором рассказала об аресте группы бывших руководителей партии левых эсеров в Уфе в 1937 г. и об обстоятельствах гибели ее соратников и друзей (М. А. Спиридоновой, А. А. Измайлович, И. А. Майорова и др.)¹⁶. Понимая, что она, возможно, последняя из свидетелей и участников этих событий, Ирина Константиновна заявила: «Замолчать всю эту трагическую уфимскую историю я не считаю себя вправе»¹⁷. Она не просила о реабилитации для себя, но хотела поднять голос «в опровержение клеветы, прочно припаянной к именам людей с безупречной совестью, во всем согласных с революцией, несмотря на трагизм личной судьбы»¹⁸.

И. К. Каховская умерла в Малоярославце 1 марта 1960 г.

Примечания

1. ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 4543. Л. 7.
2. ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 5547. Л. 83.
3. *Каховская И.* Горький 9 января 1905 года // *Новый мир.* 1959. № 3. С. 219–220.
4. РО РНБ. Ф. 585 (Платонова). Д. 6557. Л. 1.
5. РО РНБ. Ф. 585 (Платонова). Д. 4611. Л. 2.
6. *Петровский Т.* Памяти И. К. Каховской // *Минувшее: Исторический альманах.* Вып. 2. Париж, Atheneum, 1986. С. 52.
7. Подробно об отправке в Сибирь и пребывании в Мальцевской каторжной тюрьме см.: *Каховская И.* Из воспоминаний о женской каторге // *Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник.* М., 1926. № 1(22). С. 145–162; № 2(23). С. 170–185.
8. *Радзиловская Ф., Орестова Л.* Мальцевская женская каторга 1907–1911 гг. // *Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник.* М., 1929. № 10 (59). С. 126.
9. Там же. С. 132.
10. ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 4543. Л. 3.

11. *Пирогова А.* На женской каторге // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. М., 1929. № 10 (59). С. 157.
12. *Каховская И. К.* Дело Эйхгорна и Деникина (из воспоминаний) // Пути революции (Статьи, материалы, воспоминания). Берлин: «Скифы», 1923. С. 192.
13. Там же. С. 220–260.
14. ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 4543. Л. 4–4об.
15. *Петровский Т.* Памяти И. К. Каховской... С. 57.
16. Письмо И. К. Каховской // Политический дневник. № 67, апрель 1970. Амстердам, 1972. С. 707–740.
17. Там же. С. 726.
18. Там же. С. 740.